

Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

Наталья Евгеньевна Хагурова,

преподаватель кафедры
социологии и культурологии
Кубанского государственного
аграрного университета

Взросление — это переход в устойчивое состояние взрослого. Переход в это состояние в идеале означает готовность к исполнению базовых социальных ролей и принятию «взрослой» меры ответственности за свои поступки. При этом процесс становления личности протекает в пространстве культуры и существующих в её рамках способов и форм коммуникации. Значение внешней социокультурной среды для формирования личности отмечал, в частности, классик отечественной психологии Л.С. Выготский. Он писал: «Личность есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врождённа, но возникает в результате культурного развития, поэтому «личность» есть понятие историческое»¹.

● *взросление* ● *традиции инициации* ● *детский нарратив* ● *детская литература* ● *искусство* ● *тема труда* ● *военная героика*

В разных культурах, на разных этапах их развития существовали и существуют культурные метки, отделяющие один возраст от другого. Традиции инициации отличались по своей внешней форме и уровню жёсткости, но их общим смыслом было посвящение подростка во взрослость, утверждение полной меры его ответственности. Нарушения процесса взросления связаны, с одной стороны, с разрушением традиций инициации, замещением её на псевдоинициации, и с искажением, деформацией культурного пространства взросления, с другой стороны.

То, насколько серьёзны эти нарушения, видно из результатов проведённого американскими социологами² сравнительного исследования основных проблем, тревоживших школьных учителей в 1940 и 1988 гг. соответственно (см. таблицу на с. 106).

Очевидно, что мир детских шалостей (шумят, бегают) замещается серьёзными «взрослыми» пороками. А.А. Остапенко отмечает, что происходит замещение нормальных культурных ме-

¹ Выготский Л.С. Психология. М., 2000. С. 745.

² Рогозянский А.Б. Хочу или надо? О свободе и дисциплине при воспитании детей. М., 2005. С. 42.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Таблица

1940	1988
Бегают по коридорам	Беременности
Шумят	Самоубийства
Не соблюдают очередей	Изнасилования
Одеваются не по правилам	Ограбления
Ученики разговаривают	Употребляют наркотики
Жуют жвачку	Употребляют алкоголь
Сорят в классах	Избиения

ток взросления (инициаций) на акультурные: курение, физическая сила, асоциальное поведение³. Существовавшая система меток взросления и санкционированная обществом знаково-символическая реальность были утрачены, а адекватная замена (та, которая бы отвечала экзистенциальным потребностям) не была создана. В советское время (разумеется, не в последние годы существования СССР) роль такой системы играли детские и юношеские политические организации. Они последовательно вводили подрастающее поколение в мир взрослых, выстраивая, при всех издержках идеологии, систему повышения уровня социальной ответственности за себя, за другого, за общество, за Отечество. Каждой ступени взросления выдвигались соответствующие требования: новая ступень — новые требования. При этом прояснялся смысл и цели взросления и исполнения предъявляемых требований. Например, успешная учёба, овладение навыками трудовой деятельности, нормы ГТО трактовались как готовность к выполнению роли ответственного гражданина своей Родины — вполне в сократовском духе.

Другое знаково-символическое пространство было представлено Православием. Мы оставим рассмотрение его сущности и рассмотрим лишь то, что относится непосредственно к меткам взросления. Первая из них, используемая до семи лет, — это именование маленького христианина младенцем. До семи лет ребёнку дано время на овладение своими биологическими потребностями. За это время он должен научиться владеть своими «хочу». Постепенно постигая смысл вероучения, осознать понятия жертвенности, греха, подготовиться к следующему этапу. В «младенчестве» приступая к таинству Евхаристии, ребёнок не исповедуется и, как правило, не держит длительного поста. А вот после семи лет «младенец» становится «отроком». Переход несёт взрослые требования, к которым он должен быть готов и исполнять их должен добровольно и осознанно — «взрослый» пост и таинство исповеди.

И в том и другом случае проясняется надличностный, выходящий за рамки своего собственного существо-

³ Остапенко А.А. Взросление подростков: дисфункции детско-родительской общности и пути их преодоления // На пути к преступлению. Коллективная монография / под ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. М.- Краснодар, 2012. С. 28.

Н.Е. Хагурова. Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

вания смысл, то есть представления об идеальном; проясняется картина мира. Тем самым даются основания для определения должного и недолжного, греха и добродетели; и, наконец, регулируются иерархические отношения в обществе. А система иерархических отношений — один из базовых регуляторов поведения и непосредственный регулятор процесса взросления: если нет иерархии — то зачем и «куда» взрослеть? А.А. Остапенко пишет: «Нормально развитое иерархическое общество не знает проблемы «непризнанных гениев», потому что всякое достижение человека оно способно адекватно поощрить. А человек понимает, что если общество пока не отметило его достижения, значит, следует ещё поработать над собой. Каждый должен уметь давать адекватную оценку себе и своим действиям»⁴.

Одна из составляющих культурного пространства взросления — искусство. Как бы ни было ценно искусство само по себе, у него есть важные социальные функции. Можно сказать, что «искусство призвано, в конечном счёте, способствовать совершенствованию как человека, так и социальной жизни и человеческой практики»⁵. О воспитательной функции искусства писал ещё Платон. Рассуждая о государственном устройстве, он уделял особое внимание воспитанию и созданию воспитательной среды. Чтобы воспитать добродетельного гражданина, необходимы специфические условия, образовательная среда. Платон, например, резко высказывается против изучения стихов Гомера, ибо они извращают представления о божестве как источнике добродетели. Молодые люди не должны слишком живо представлять себе ад с его устрашающими картинами, так как это парализует мужество. Следует воспитывать в умеренности и в борьбе с низшими страстями, которые должны быть подавляемы. Для этого требуется удалить впечатления характера деморализующего, в частности театральные представления. Относительно музыки тоже существовало требование развивать одни жанры и ограничивать другие⁶.

На протяжении многих веков содержание и формы культуры определялись религией. Придавая жизни человека и общества смысл и цель, она пронизывала все повседневные практики и, соответственно, создавала пространство взросления. В силу целого ряда взаимосвязанных факторов и процессов, которые нуждаются в отдельном рассмотрении, в XVIII — XIX вв. на Западе на столетие раньше, чем в России, культура в целом становится секулярной. Значение религии изменяется, она как бы становится личным делом каждого. Новый характер экономики, постепенное становление индустриального общества, идеология Просвещения, распространение светского образования, печатных изданий нерелигиозного содержания не могли не повлиять на характер социализации. Своеобразным ответом на вызовы времени стало появление литературы, ориентированной на юношество.

⁴ Там же.

⁵ Никитина И.П. *Философия искусства*. М., 2010. С. 191.

⁶ Булгаков С.Н. *История экономических и социальных учений*. М., 2007. С. 79.

Вообще особые тексты для детей (назовём их детским нарративом) существовали всегда. *Начальной формой детского нарратива можно считать сказку, имеющую кроме развлекательной функции мощный воспита-*

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

тельный потенциал. Кроме фольклорной сказки, существовала и литературная сказка, сказка для взрослых, подчеркнута восхваляющая добродетели и клеймящая пороки. Но в подобных сказках героями оставались рыцари и прекрасные дамы, принцы и принцессы, они ещё дышали средневековьем. Юному буржуа требовалось что-то «настоящее», герои, с которыми можно отождествить себя. И эти герои появились. В эпоху Просвещения к традиционным механизмам воспитания — религиозной проповеди, житиям святых добавляется новый ресурс — светская повесть.

Можно выделить несколько направлений в литературе, содействующей формированию культурного пространства взросления. Одно из них — повесть, где герои — молодые люди (реже — девушки), которые попадают в необычную и трудную жизненную ситуацию, требующую серьёзного морального выбора. Среди отечественных писателей подобной направленности следует вспомнить Карамзина и его «Бедную Лизу», печальную историю, напоминающую молодому поколению о добродетели целомудрия. В пушкинской «Капитанской дочке» главному герою Гриневу всего шестнадцать лет. В таком молодом возрасте он оказывается в гуще исторических событий, на фоне которых ему приходится выбирать между жизнью и смертью, честью и бесчестьем, рисковать жизнью ради любимой девушки. Повествование от первого лица передаёт внутренний мир, страхи и чаяния молодой души. Будучи школьницей, я читала в журнале «Костер» статью, в которой давались советы подросткам, как воспринимать классику. В частности, там говорилось о том, что возраст Швабрин был почти таким же, как и читателей журнала, и предлагалось поставить себя на его место.

Среди европейских писателей нужно упомянуть Роберта Льюиса Стивенсона, хорошо известного в нашей стране. Стивенсона считают представителем приключенческого жанра. Но его произведения не только увлекательны. Многие его герои — Джим Хоккинс («Остров сокровищ»), Дэвид Бэлфур («Похищенный», «Катриона»), Ричард Шелтон (исторический роман времён войны Алой и Белой розы «Чёрная стрела») — молодые юноши, почти подростки. Все они оказываются в ситуации нелегких испытаний и трудного выбора. У них нет жизненного опыта, но есть чётко усвоенные представления о добре и зле, чести и достоинстве, любви и дружбе. На протяжении повествования героям в силу обстоятельств приходится повзрослеть, принять на себя ответственность за чужие судьбы и жизни. В произведениях Ш. Бронте появляются яркие и цельные девические образы. Знаменитый роман «Джен Эйр» затрагивает темы религиозного, нравственного долга (героиня отказывается от желанного, но незаконного личного счастья), тему человеческого достоинства, неравенства, упадка аристократии.

Другим направлением, вызывающим интерес у юношества, и создающим образы для подражания можно считать историко-приключенческий жанр: В. Скотт, А. Дюма, Ф. Купер, Б. Гарт, Д. Лондон. Эти произведения не просто расширяют исторический кругозор молодого читателя. Они рисуют «мир взрослых», где действуют сильные и самоотверженные люди. В этом

Н.Е. Хагурова. Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

мире верность дружбе, отечеству, идеалам, твёрдость перед лицом опасностей считаются нормой.

Необходимо остановиться на *литературе социальной направленности — реализме*. Тема социальной несправедливости, угнетения, конфликта вообще близка молодёжи. Подобная литература не только ставит читателя перед проблемой социального несовершенства, но и воспитывает чувства сострадания, милосердия, обостряет чувство справедливости, чуткости к страданиям. Европейские писатели Ч. Диккенс, В. Гюго, Д. Гринвуд, Э. Сю, американцы М. Твен, Г. Бичер-Стоу и многие другие обращались к подобной проблематике. В отечественной литературе тему страданий и обездоленности детей низших классов затрагивали В.Г. Коваленко, Н.А. Некрасов, А.И. Куприн, Ф.М. Достоевский и многие другие. Н.С. Лесков обращался к теме воспитания в кадетском корпусе, взаимоотношений воспитанников и их наставников, которые личным примером, аскетичным образом жизни, глубокой нравственностью, преданным служением делу заслужили любовь кадетов («Кадетский монастырь»).

Список далеко не полный, но анализируя литературу прошлого, можно увидеть, что культурное пространство взросления, создаваемое взрослыми, не имело приоритетной функцией развлечение и удовольствие, а заставляло задуматься, предлагало образцы для подражания, конструировало образ взрослого. Подобные традиции сохранились и усилились в советской детской литературе. После сравнительно краткого периода оголтелой борьбы с «буржуазной» культурой, выражавшейся в разрушении традиций, нападках на семью, увлечении авангардом в искусстве и педагогике страна встала на рельсы традиционного реализма в новом, обновлённом формате. Борьба за новую культуру корнями уходит в XX век, век мучительных поисков нового пути. К моменту Февральской и Октябрьской революций среди интеллигенции сложился слой авангардистов, выступающих за тотальную революцию не просто в мире искусства, но и в способах и методах усвоения ценностей, в образовании, в сфере социальных отношений. Переделать следовало всё, начиная с словесности — «Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов» (Бурлюк, Крученых, Маяковский, Хлебников) — и кончая отменой учебников, классно-урочной системы, да и самого учителя в его «буржуазном» понимании (отдел реформы школы Наркомпроса). Однако руководство страны в целом придерживалось более традиционных взглядов и периодически «осаживало» развоевавшуюся молодёжь. К началу 30-х годов окончательно сформировалась политика «формирующей» педагогики, точно знающей, что «должно получиться». Она опиралась на авторитет, дисциплину, использование уже имеющегося культурного потенциала, ослабление значимости социальных различий, ограниченную легитимацию национальных традиций⁷. Такой системный подход поддерживался, с одной стороны, системой образования, детскими организациями политической направленности и искусством, адресованным детям и юношеству, с другой стороны. Уже к середине 20-х годов начинают свою деятельность журналы «Пионер» и «Костер», популярность которых не ослабевала все советские годы. Появляются новая детская проза, по-

⁷ Андреев А.Л. Российское образование. М., 2008.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

эзия, драматургия. Почти сразу же к ним добавляется кинематограф и театр. Уже в 1922 г. на совместном совещании кинематографистов и педагогической общественности ставится вопрос о создании специальных детских фильмов. Педагоги выразили озабоченность влиянием взрослых фильмов, которые дети смотрят из-за отсутствия детского репертуара. Первый фильм для детей «Красные дьяволята» вышел на экран в 1923 году. Романтика революции увлекла юного зрителя, которому близок жанр приключения, герои были его сверстниками. С начала 20-х годов открываются детские театры: в 1921 г. Московский театр для детей, в 1922 г. в Петрограде начал работу ТЮЗ. Создатели театров для детей — А.В. Луначарский, С.Я. Маршак, Н.Н. Сац, А.А. Брянцев рассматривали его как одно из звеньев общей программы воспитания и как целостный художественно-педагогический механизм, «эстетическую десятилетку» для юных зрителей. Тематика и герои выбирались в соответствии с возрастом зрителей. В 20-е годы главное действующее лицо — беспризорник, с 30-х преобладает тематика школьной жизни. Адаптируются произведения классической драматургии. Детский театр в советском обществе рассматривался как цельная художественная и педагогическая система, которая даёт театральное образование и воспитывает чуткого, талантливого зрителя, необходимого театру⁸.

Можно выделить ряд тем, непосредственно относящихся к проблеме формирования человека как будущего взрослого в искусстве советского периода. Все они несут ярко выраженную социальную окраску, прямо или косвенно подсказывая одобряемые или порицаемые социальные роли. Одна из важнейших тем советского искусства — тема труда. Труд связывался с общественной, а не с индивидуальной пользой — труд как призвание, труд как вклад в общенародное дело, труд как подвиг. Недаром существовало звание Героя Социалистического Труда.

В искусстве для детей можно встретить тему выбора профессии, трудового подвига во время войны, общественно-полезного труда: «В печах пылала пламенем / Багровая заря./ На мостике — / Два мастера,/ Как два богатыря»; «Металл кипит и плавится,/ на фронт идёт металл,/Чтоб нам с врагами справиться, /Чтоб им конец настал». Эти строки написаны Агнией Львовной Барто в цикле «Звенигород». Интересно, что поэтесса, будучи в эвакуации на Урале, сама встала за токарный станок рядом с ребятами-учениками, чтобы понять трудности и заботы вчерашних школьников.

Значимой была тема *молодёжи* — отражение и создание образа советского молодого человека. Для детей и подростков таким образом создавался ориентир взросления — «а каким мне надо стать?» Надёжно, на всю жизнь запоминаются строки Самуила Яковлевича Маршак: «Многие парни плечисты и крепки,/ Многие носят футболки и кепки,/ Много в столице таких же значков,/ К славному подвигу каждый готов!» У Гайдара ребята-пионеры не просто помогают старшим. Они делают это тайно, открываясь только «своим», подчас снося несправедли-

⁸ Баженова Л.М., Некрасова Л.М., Курчан Н.Н., Рубинштейн И.Б. *Мировая художественная культура*. СПб, 2009. С. 227 – 228.

Н.Е. Хагурова. Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

вые обвинения в хулиганстве. Пожалуй, кульминацией повести можно считать момент, когда Тимур, позаимствовав мотоцикл брата, везёт подругу Женю на встречу с отцом-командиром Красной Армии, тем самым резко «вырастая» из своего реального возраста. Вообще, взрослые у Гайдара почти по-христиански смиренны и самоотверженны. Вспомним повесть «Чук и Гек». Родители мальчишек-сорванцов как должное принимают своё нелёгкое положение — живут отдельно на разных концах огромной страны. Чтобы увидеться с отцом, матери с двумя детьми приходится проделать трудное путешествие, а потом ждать мужа в глухой снежной тайге на пустой станции геологов. Безымянный, лаконично изображённый писателем сторож не менее примечательная фигура: ворчит на ребят, а сам втихомолку идёт на лыжах к стоянке экспедиции, чтобы семья успела увидеться.

Очень сильна тема войны, военной героики, в том числе героев подростков и молодёжи. Она широко представлена А. Фадеевым, Б. Полевым, В. Катаевым, М. Шолоховым, А. Твардовским, К. Симоновым, уже упомянутыми А. Гайдаром, А. Барто и многими другими. Тесно связана с ней тема военного детства, переживания детьми трагедии войны, ожидание отца или брата с фронта, военный быт, заботы, лёгшие на плечи детей, присмотр за младшими.

У Елены Благиной в пронзительно трогательных стихах отражён мир военного детства с его маленькими радостями и большим общенародным страданием. Вспомним например: «Наш отец давно в походе, третий год как на войне. Наша мама на заводе. А кому с братишкой? Мне!.. Ты вставай, вставай, вставай! Обниму тебя давай!». Маленькая женщина не просто ловко, но и с любовью и нежностью справляется с ролью матери. Отчётливо проступает изображение малой родины как части огромного целого: «...О том, который в море уже давно в бою — воюет на линкоре за Родину свою. За наш колхоз, за речку, за вербу у плетня, за дом, за эту печку, за маму, за меня!» Исследователь литературы А. Замостьянов считает, что героическая идея Победы является объединительной культурообразующей идеей России. Победы не только в Великой Отечественной, а Победы как утверждения народного единства⁹. Он же обращает внимание на значение военно-патриотических песен 1930 — 1970 гг. для воспитания. Отечественные песни о войне по особенному гуманны, в них нет ощущения грубой силы, презрения к врагу. В них «вкус прощального обветренного поцелуя, материнское благословение, тоска по Родине, по нежности верных подруг»¹⁰.

Широко развёрнута в литературе тема повседневной жизни школьников, выполнения своих обязанностей, подчас обыгранная в сказочной форме. В 1938 г. выходит «Старик Хоттабыч» Л. Лагина. Народный артист А. Джигарханян вспоминает, какой невероятной популярностью пользовалась книга. В связи с темой повседневности можно упомянуть С. Михалкова, В. Драгунского, М. Прилежаева, Ю. Яковлева, Е. Шварца, Л. Пантелеева и многих других.

⁹ Замостьянов А. Русская героика. М., 2010, с. 218.

¹⁰ Там же. С. 223

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Отдельного разговора заслуживают литературные переводы. Необычен и интересен цикл А. Барто «Переводы с детского», знакомящий советских детей с поэтическим творчеством детей разных стран.

Кинематограф не оставался в стороне от воспитания. Перечисленные сюжеты, экранизация классики, исторические фильмы, научная фантастика довольно рано выходят на экраны. Учитывая экономические трудности страны, это тем более удивительно. Очень интересна экранизация русских народных сказок в обновлённом виде. Например, снятая режиссёром А. Птушко в 1936 г. уже в духе соцреализма «Василиса прекрасная». Старая сказка о царевичах превращается в сказку о работающих крестьянах, а сама Василиса олицетворяет идеал советской женщины — крепкая духом и телом, красивая, весёлая, верная и конечно, мастерица на все руки. Такую — не запугаешь, не заманишь нарядами. В фильме мастерски передан колорит русской деревни, темноватая изба, глиняная посуда, пыльные дороги. Фильм переполнен символическими значениями — в борьбе с тёмными силами человек должен отстаивать право на свободу, труд, чистую любовь. При просмотре создаётся ощущение серьёзности, какой-то «настоящести» — того, чего, к сожалению уже не доставало позднесоветскому искусству для детей.

Подробный анализ искусства для детей и юношества советского периода заслуживает отдельного исследования, оно обширно и разнопланово. Не чужд ему и развлекательный компонент. Но главное в нём — не это. *Синтез искусства и педагогики создавал специфическое пространство взросления, формирующее, несмотря на идеологизированность, общечеловеческие гуманистические идеалы.* Возможные эффекты от предлагаемого детям искусства были продуманы и взвешены.

В перестроечные и постперестроечные годы на наших соотечественников обрушились мутные потоки «свободной» культуры. «Неуловимые мстители» и «Гостя из будущего» быстро сменились на «Элен и ребята» и «Бeverли-Хиллз». В сериале о французских студентах, который редко кто из школьников 90-х оставил без внимания, самым постыдным занятием считалось курение. Зато все герои на протяжении сериала успели несколько раз поменяться партнёрами, забеременеть, изменить, бросить, предать. И всё это под высоким словом «любовь». Хорошо, что пары были только гетеросексуальные. Или что-то вырезали? Напомним, что сериал показывался в дневное время, то есть основной аудиторией были именно школьники.

Вместо походов в библиотеки и кружки по интересам подросткам предлагалось быть «экономически активными», приправляя это трогательными историями о детях миллионеров, которые сами зарабатывают карманные деньги. Часть наших сограждан до сих пор умиляет картина мытья подростками стёкол машин, стоящих в «пробках».

Хорошо, трудности переходного периода. Но ведь детей-то всё равно надо воспитывать. Давайте взглянем в то пространство взросления, создаваемое искусством, которое мы, взрослые, предлагаем детям в последние десятилетия.

Н.Е. Хагурова. Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

Начнём с того, что почти всё предлагаемое детям (всех возрастов), иностранного происхождения. В последние годы, правда, появились очень неплохие отечественные мультфильмы: про Лунтика для малышей (каждая серия содержит воспитательный момент), про традиционных былинных богатырей, князя Владимира. Однако, исследование А. Сверчкова и Ю. Крижанской, в котором принимали участие дети 5–12 лет из 63 регионов, показало, что в качестве примеров для подражания чаще всего изображается человек-паук и волшебницы Винкс¹¹.

Обратим внимание и на так называемые семейные мультфильмы. В мире рыночной экономики всё должно быть рентабельным — продукт должен заинтересовать и взрослого потребителя. Видимо, современный родитель не в силах «отсидеть» с ребёнком в кинотеатре или дома у экрана некоторое время, если его не заинтересовать. Заинтересовывают (не всегда, но, как правило) плоскими шуточками на сексуальную и даже гомосексуальную тему: «Я ношу женские стринги!» (мультфильм «Шрек»). Другая особенность — подчёркнутая сексуальная окрашенность образов. Образы кота в сапогах и киски Мягколапки (мультфильм «Кот в сапогах») — не просто милые. Оба олицетворяют мультипликационную феминность и маскулинность: они очень привлекательны для противоположного пола и широко этим пользуются, ловко обращаются с оружием, яркие индивидуалисты, практически не имеющие корней. Причём кошка-дама подчёркнуто лишена традиционно женских качеств: сострадательности, умения выслушать, ободрить.

В традиционной сказке в её разных вариантах любовь в сочетании с жертвой превращали Чудовище (мужского пола) в прекрасного принца. Любовь становилась возможной потому, что озлобленное Чудовище менялось, переставало рычать и угрожать, то есть становилось человеком внутренне. Оставалось только вернуть сам облик. Теперь давайте представим, что например, в сказке «Аленький цветочек» не Чудовище становится прекрасным королевичем, а в финале под звуки «музыки согласной» молодая дочь купеческая обрастает шерстью, встаёт на четвереньки и радостно бежит вместе с любимым в кусты.

В дни школьных каникул телеканалы уже который год предлагают школьникам следующие фильмы: «старый добрый» «Гарри Поттер» (все части), «Шрек» (все части), «Один дома» (все части). Ну и конечно, «Гостя из будущего», щедро сдобренная рекламой про детскую косметику и игрушки-трансформеры. Только вот верят ли современные дети в то будущее, которое показано в этом фильме? В будущее, где по настоящему злыми остаются только немногие космические пираты, где можно выбрать интересную и полезную профессию (например, в Институте времени), где инопланетяне бродят по московским музеям, а не уничтожают местное население, где всё бесплатно и при этом всем хватает, потому что никто не берёт лишнего. Возможно, подросткам, вскормленным на фантастических боевиках и уникальных возможностях (в основном боевых) героев, подобный гуманистический идеальный мир покажется скучным и

¹¹ Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: мир без будущего // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 2. С. 8–9.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

менее реальным, чем семья вампиров, мирно живущая в американской провинции («Сумерки»).

Кинематограф всё чаще эксплуатирует жанр фэнтези. Герои живут в особом мире, обладают необычными возможностями, владеют могущественными артефактами и т.д. Конечно, красивая сказка, к тому же снабжённая спецэффектами, не может не привлекать. И герои, как и положено, борются со злом. Но здесь есть «подводные камни». Вымышленный мир кажется намного интереснее настоящего. Эффект приобщения к вымышленному миру увеличивается, если фильм состоит из многих частей. Мир обычных людей и их повседневные обязанности представлены невероятно пустыми и скучными. Например, приёмная семья Гарри Поттера — люди, в которых не найти ни одного положительного качества. В фильме «Сумерки» для героини, кажется, самое тоскливое — ходить в школу. Гораздо интереснее встречаться с вечно юным вампиром, который к тому же эволюционировал и не пьёт человеческую кровь.

Фактически в культурном пространстве взросления отсутствуют воспитательные (героические, смысловывявляющие и пр.) репрезентации нормальной (нефантастической, обыденной) подростковой повседневности. *В особенно сложный период взросления подростки остаются без достаточной поддержки со стороны современного искусства.* Учитывая сложности взаимоотношений со взрослыми, зачастую сопровождающие этот период, ориентированное на подростковую аудиторию искусство могло бы стать не только проводником ценностей и норм, но и выполнять роль анонимной подсказки в ситуациях конфликта, влюблённости и других волнующих ребят проблем. Довольно трудно научиться, например, строить отношения в новом коллективе, руководствуясь опытом уважаемого Бильбо Беггинса при общении с гномами.

Похожая ситуация складывается и в литературе. При том, что сегодня доступны прекрасно оформленные издания, дети читают очень мало. По данным исследований, проведённым учёными института социологии РАН в Краснодарском крае, среди краснодарских школьников почти половина детей (44,4%) просто не читает. Относительно многие (21%) указывали в ответах персонажей русской классики — спасибо школьной программе. Ещё 11% указали сказочных, детских персонажей — это эпатаж, стремление скрыть тот факт, что большинство из них не читает. Таким образом, школа приобщает к литературе (в рамках школьной программы) примерно пятую часть школьников. Самостоятельно читают около 13% — те, кто указал современную западную и отечественную литературу. Жанры, преимущественно детективы и фантастика¹². Похожие результаты получены при опросе студентов МЭИ группой А.Л. Андреева (2006). Наиболее читаемыми оказались опять-таки произведения школьной программы — М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», на втором месте «Война и мир» Л.Н. Толстого, на третьем «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского¹³. Исследователь отмечает, что читательские мотивации в основном связаны со стремлением

¹² Хагуров Т.А. Учащаяся молодёжь в кризисном обществе // СоцИс. 2010. № 11.

¹³ Андреев А.Л. Российское образование. М., 2008. С. 307.

Н.Е. Хагурова. Социокультурное пространство взросления: трансформация или регресс?

узнать что-то новое о человеческих отношениях, с потребностью уяснить себе некоторые нравственные вопросы. То, что другие произведения этих авторов практически не вызвали интереса у большинства молодёжи, приводит к неутешительному выводу: это не любимые авторы и произведения, а узнаваемые. Но тем не менее — слава школьной программе и учителям литературы!

Что касается литературы внешкольной, то здесь обнаруживается тот же самый вакуум современной героики и перекося в сторону фэнтези, «страшилок», «книжечек» про юных ведьм, волшебниц, волшебников и вампиров.

Как ни странно, но мир молодёжных и подростковых интересов и проблем отражён православно ориентированными писателями. Например, в трилогии «Юлианна» Ю. Вознесенской захватывающий динамичный сюжет сочетается с постановкой и разъяснением с точки зрения христианских ценностей вопросов отношений с родителями, дружбы, самоограничения, эгоизма, отношения к деньгам, богатству и бедности, учёбы и свободного времени, внешнего вида, модного увлечения оккультизмом и т.д. Есть и произведения для более старшего возраста: «Кассандра или приключения с макаронами», «Мои посмертные приключения». В этих произведениях наряду с вопросами о Боге затрагиваются темы отношений полов, смысла брака, отношений с близкими, виртуальной реальности. Можно назвать и других православных авторов, которые пишут для детей и юношества: И. Ковальчук, Н. Блохин, протоиерей А. Торик. Но эти книги реализуются в основном через сеть книжных магазинов при храмах и неизвестны широкому кругу читателей. Да и ориентированы они всё-таки на православного читателя или хотя бы «сочувствующего».

Что касается любимых юношеством прежде исторических романов, то этот жанр постепенно вытесняется всё тем же фэнтези и историческим фэнтези.

В заключение хотелось бы поделиться собственным родительским опытом. Мой младший сын на вопрос «На кого бы ты хотел быть похожим?», не задумываясь, ответил: «На Томека». Поясним: Томек — герой целой серии повестей польского писателя А. Шклярского, изданной в СССР впервые в 70-е годы. Вместе с отцом и его друзьями-звероловами он путешествует по разным странам, наравне со взрослыми участвуя в общем деле. Томек и его товарищи обладают традиционно мужскими качествами — смелостью, ловкостью, физической силой, выносливостью, ответственностью. Они всегда готовы прийти на помощь слабым и угнетённым, рискуя жизнью спасти тех, кто попал в беду. И конечно, они истинные патриоты родной Польши, несмотря на то, что изгнаны по политическим мотивам. Сам молодой герой с увлечением учится и обладает широкими познаниями в области географии, биологии, истории. Вместе с Томеком читатели растут, получая не только интересные сведения об огромном и многообразном мире, но и образцы для подражания. А ведь их так не хватает современным ребятам!

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

В последние годы стало привычным обсуждать проблемы современной молодёжи, анализировать под разными углами зрения её многочисленные девиации. Между тем, даже беглый и поверхностный анализ современного искусства для детей позволяет заключить: основная его функция — развлечение. Причём развлекают наших детей персонажи-носители чуждой нам культуры. Та же Ю. Крижанская, приводя результаты всероссийского исследования детских рисунков, пишет¹⁴, что по итогам рисования любимых героев первое место занял Человек-паук, второе — феи Винкс из одноимённого мультфильма, третье — Губка Боб-квадратные штаны... Затем были робот, Рапунцель, Ариэль. Герои русских сказок существуют в сознании современных детей лишь благодаря мультфильмам студии «Мельница», да и то их упоминаемость держится на уровне статистической ошибки (менее 5%). А ведь завтра эти дети вырастут, и какие сказки они будут рассказывать своим детям? Задумываясь над этим, становится понятно, как много мы (а главное — наши дети!) потеряли. Сумеет ли мы вернуть воспитывающее искусство для детей, или уже окончательно поздно — вот вопрос, который будет определять, чего нам предстоит строить больше в XXI веке: центров детского творчество или спецшкол для девиантных подростков.

¹⁴ Сверчков А., Крижанская Ю. Размышляя над детскими рисунками: беспризорники в нашем доме // Суть времени. Общероссийская политическая газета. 2012. № 3. С. 8–9.